

Иерусалим, 17.9.18

Родная

Я не знаю, как пишется твоя
имена. ~~Иерусалимская~~
~~слова~~. Я глубоко виновата
перед тобой и Эри. Конечно было бы оставаться сполна
в Африку, а лишь меня все преследует.
Но я не могу забыть одной твоей
фразы, которую ты можешь быть забы-
ла. Ты мне сказала в Лондоне: „я
так рада, что ты не трусишь“. Но
этими словами есть что-то plus fort
que nous n'êtes. Книжка тебе, надеюсь
мне так безразлично, но мысль, что
тебе или Эри когда-нибудь минут
упрек за меня, рождает для меня
вопрос. Прости меня, голубка, за то, что
я попалась на твои пути и свалилась
с дороги, а теперь бросая безразлично,

и при том же. Дорого бы я дал, чтобы всего этого не было.

Но я верю в твой характер и силу и верю, что ты пробьешься и создашь для при том, чего я не сумел создать. Я оставил письмо Рову и Зальцману, где прошу их дать тебе службу и удачу мои сочинения, и еще несколько распоряжений. Они тебе покажут письмо и ты можешь откликнуться в нем, что тебе угодно. Это мало или ничего, но может быть есть бог и он поможет.

Я тебе много любил, Анн, но ты была все жизнь моя большая любовь. Вот уже много лет, как все мои мечты постепенно воплотились. Я работал просто так, отчасти по привычке долга, отчасти потому, что талант

рвется наружу невольно, но сердца моего
в этом не было. Вспоминаю, что все
моей мечтой, это было уметь с
тобой и с Эри. Хотел поехать к тебе,
хотел написать тебе за все. Это не
вышло, если ты получишь это письмо.
Может быть, я когда оставлю тебе и
Эри красивое письмо, и когда-нибудь люди
снимут шарики, когда ты приедешь.
Вотрь моя — это единственная женщина,
которую я действительно любил в
тебя, что происходит.

Тыся Эри знает хорошо по-еврейски.
Во всем остальном не даю тебе никаких
советов. Ты всегда все лучше знаешь и
лучше думаешь, чем я, и тебе и в
тебе. Вроде и знаю, что *got un lait*
wollen dir mekanne sein eif dain suhn.

Прости меня, Анжел, за все, ради

любви, которую я даже не сумел себе
доказать. Часто я вспоминаю нашу
постылку с первого вечера на Демидовской
до того дня в Соулемитонь. Это 23 года.
Если бы мы хоть дали надежду, они бы
стались счастливые. Но ничто, не было
и не могло быть ничего прекраснее, ~~и~~
всего все это в моей памяти. Целую
твои руки, голубка; мне не хочется пи-
сать теперь иначе — но почти любое
из моих старых писем из Вонны и
помни, что я его написал бы и сейчас.

Почасти при это писмо когда-нибудь,
это адресовано и ему. Храни вась Бог.

Владимир.